

НИКОЛАЙ СЕРЫЙ

ТЁМНЫЕ ЛУЧИ

Николай Серый

Тёмные лучи

«Издательские решения»

Серый Н.

Тёмные лучи / Н. Серый — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902273-8

Избранные стихотворения автора романа «Каникулы в барском особняке».
Своеобразный и сугубо личный лирический дневник за многие годы.

ISBN 978-5-44-902273-8

© Серый Н.
© Издательские решения

Содержание

Избранные стихотворения	6
Часть первая	7
(12 ноября 1970 года, Ростов-на-Дону)	11
(12 января 1973 года, Ростов-на-Дону)	21
Часть вторая	22
Часть третья	33
Часть четвёртая	56
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Тёмные лучи

Николай Серый

© Николай Серый, 2018

ISBN 978-5-4490-2273-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**Избранные стихотворения
из дневников и записей**

Часть первая

Вновь вода струится
В голубом заливе,
И луна влачится
К той далёкой иве.

Быстро мчали кони
В розовые дали,
Тёплые ладони
Плечи обнимали.

Слышу я в тревоге,
Как шумят ракиты,
И босые ноги
Серебром облиты.

И в тоске глубокой
Зашумели ели...
Грустью одинокой
Плакались и пели...

(25 октября 1968 года, Армавир)

Проснулся я... светильники горели...
Я чуял запах осени и хвои...
И в ожидании метелей
Раздумья стали вдруг подобьем роя...
И вышел я в облезлые берёзы,
Уже не зная ни любви, ни счастья...
А на лице – и капельки ненастья,
И очистительные слёзы...

(17 апреля 1969 года, Армавир)

И снова мрак ночной
И слизь осенней яви...
И охмелев мечтой,
Бреду к твоей отраве...

И губы, как пятно
И очертанье муки... —
И белое вино,
И сомкнутые руки.

Наивная мечта
Исхлёстана юдолью,
И стала красота
Безумием и болью...

(Весна 1969 года, Армавир)

Идём по листья, по траве...
Увил запястье я косою.
Раздумий клочья в голове,
И не понять мне, что со мною...

Осенний ветер на кустах,
Я не пойму своих видений...
И холод вечера в речах,
И глаз твоих юдоль и тени.

И я раздумьями больной,
Хмельной и памятью, и снами,
Бреду по листьям за тобой
И за холодными руками...

Мельканье веток и теней,
И бело-нежный зов оскала...
И сгусток ночи холодней,
И тишина на плечи пала...

(15 июля 1969 года, Армавир)

И снова лето и ручей,
И повилика на заборе...
И снова чёлка до бровей
И фортепьянный вальс в миноре.

И снова груда старых книг,
Мои пометки на страницах,
И на иконе светлый лик,
И Божий свет на смертных лицах.

И ночью пряное тепло

Из неухоженного сада...
И вдруг касанье обожгло
Почти смертельной усладой...

(06 июля 1970 года, Ростов-на-Дону)

Она захотела влюбиться,
И брезжило счастье во сне,
И вдруг она стала молиться
Иллюзиям, Богу и мне.

А мне ведь молитвы не надо,
И святости я не хочу... —
Я грешную дрожь и усладу
К смертельным канунам влачу.

И всё непонятно до боли:
Зазывные губы, слова
И счастье моё поневоле,
И страстных метаний канва...

И стали губительной смесью
Постыдная злоба и страсть...
И снились лазурь в поднебесье
И в туче звериная пасть...

(09 октября 1970 года, Ростов-на-Дону)

Осенний дождик, слизь и слякоть...
Угар от печки в тишине...
В такие дни хочу я плакать
Иль забываться в долгом сне...

У церкви нищие слонялись,
И я смотрел на них в окно,
И тени медленно сливались
В одно огромное пятно.

На низкой паперти горели
С постылой мутью фонари,
И я истому чуял в теле
И говорил себе: «Умри...

Тоскуй у храма в тёмном сквере
И сядь на грязную скамью;

И там умри в своём безверье,
Чтоб жизнь не прокляли твою...»

(17 сентября 1970 года, Ростов-на-Дону)

Я перебрал все книги, ноты
И бросил шпильки от волос,
И захотелось мне работы
Без яда нежности и слёз.

Она ж в унынье хохотала,
О ком-то память берегла,
Затем бездушно изменяла
И, как сказали, умерла...

Остались ноты, шпильки, книги,
Рояля пыль и чернота,
Воспоминанья, как вериги,
И фотографий немота...

Порой невольно верю в чудо
И пред иконой жгу свечу...
Но потаённо знать я буду,
Что встреч былых не захочу.

(27 октября 1970 года, Ростов-на-Дону)

Вдруг осень влетела в оконце...
И вдруг разбудила меня...
Светает... похожи на солнце
Тревоги минувшего дня.

И было намеренно мне больно
От бала, пороков и лиц,
И вновь я мечтала невольно,
Чтоб наглые кинулись ниц.

И верить вино помогало,
Что это случалось порой,
И я от мечтаний сияла
И вдруг полонила тобой.

Наивный!.. проснись поскорее...
Пора и тебе уходить.
Я с каждой минутой умнее
И, значит, бессильней любить!..

(12 ноября 1970 года, Ростов-на-Дону)

Я поднял голову от книг,
Ночные пролистав страницы...
Я сочинял банальный стих
О белизне больной девицы.

Стишок писался без труда,
Как убивает иней розы,
Как исчезают навсегда
Надежды, радости и грёзы.

Я похвалил в стихах любовь
Слащаво-вздорную, смешную...
Был обольститель – суеслов,
И все жеманились, тоскуя...

И понял я, что боль твоя
Не поддаётся описаньям,
И это было для меня
Сплошным и новым наказаньем.

(31 ноября 1970 года, Ростов-на-Дону)

Я вспомнил счастье под грозой!..
О, как она была страшна
Своей негаснущей красою
Для жизни, выпитой до дна!..

И небо стало мутной бездной,
Играло волей грозовой,
Моей душой бесполезной
И упоеньем, и судьбой...

Смотрел я тусклыми глазами
На утро в буйной синеве,
И оробелыми руками
Коснулся влаги на листе...

Гроза металась и томила
И вихри мучила свои,
Как ночь греховная с немилрой,
Как день, угасший без любви!..

(31 января 1971 года, Ростов-на-Дону)

Зимой на речке лёд трещит,
И снег подтаял на полянах,
И почернелый лес дрожит
В рассветном ветре и в туманах.

Тропинка вьётся меж кустов
И подсыхает понемногу,
И сани с парой ездоков
Кобылка ввозит на дорогу...

Зима ещё придёт сюда,
И потому мне грустно снова,
И лес казался иногда
Гримасой страстной и суровой...

И память дрогнула во мне,
И сожаленье пробудилось,
И брёл я в мутной тишине,
И вдруг решил, что жизнь – приснилась...

(01 февраля 1971 года, Армавир, Урупский лес)

Пусть я радостно упился
Непонятною красой,
И опять тебе молился
Прежде утренней душой...

Всё равно я недостоин
Даже думать о тебе,
Ведь не сказочный я воин,
Чтоб противиться Судьбе...

А Судьба, видать, решила,
Чтоб не знала ты меня...
Лишь капризно поманила
Для минутного огня...

(02 июля 1971 года, Армавир)

Я утром проснулся и вскоре
За книгой тебя увидал,

И радость былую во взоре
На вешней веранде узнал...

А ты, улыбаясь, глядела,
Как вновь я мечтал о тебе,
Как мысленно, страстно, несмело
Молился о счастье Судьбе!..

И в этой весёлой минуте,
Когда воскресала любовь,
Вдруг прежняя жизнь почему-то
Припомнилась с мукою вновь...

(06 июля 1971 года, Армавир)

И снова шелесты берёзы
Летят над синею водой...
Росинки утром, словно грёзы,
Напоены моей мечтой.

Но где же мир весёлый, дальний,
Что, завлекая, мучил нас?
Ужели осенью прощальной
Он упоительно угас?

Ужели в памяти и в мире
Колдуют бред и суета,
И чувства сгнули в кумире,
И развратилась красота?

(12 июля 1971 года, Ольгинская)

Когда и ты, и вдохновенье
Измучат ревностью меня,
Невмочь забыть мне упоенье
И вьюгу свадебного дня.

Уж я не рвусь тебя увидеть,
Но страшно мне забыть тебя
И, значит, мир возненавидеть,
А вслед за миром и себя...

И, значит, снова до рассвета
Я буду радостно стенать...
И, грешным телом обогретый,

И тьму, и нежность целовать!..

(11 сентября 1971 года, Ростов-на-Дону)

И отмолились, и забили
Покрытый лаком, чёрный гроб...
Старухи сипло голосили,
И все в толпе крестили лоб.

В осенних тучах дождь рождался
И, наконец, заморосил...
И дряблый старец притворялся,
Что он покойника любил.

А гроб засыпав, укрепляли
Чугунный крест над бугорком...
И близ могилы замелькали
Бутылки с водкой и вином...

И каждый радовался втайне,
Что он пока ещё живой,
И стало проще и банальней
Причастье смертной пустотой...

(29 сентября 1971 года, Ростов-на-Дону)

В осенней мгле изнемогая,
Любовь притихла, замерла...
Но ты, – лукавая, ночная, —
К былым утехам повлекла.

А что найду в их праздной скуке?
Изнеможение страстей?
Былые очи, речи, руки
И тягость памяти моей?

Вино и кофе после спальни?
Рояль, этюды и стихи?..
Я стану злее и печальней
От суматошной чепухи...

Исход известен... только снова
Ты дальше жить меня влечёшь... —
И ради жизни мы готовы
Любить заведомую ложь...

(02 октября 1971 года, Ростов-на-Дону)

Уже булыжная дорога
Покрыта мёртвою листвою...
Кресты с могил застыли строго
Над охладелою землёй.

И всё тоскливо и невзрачно,
И как наскучившее зло,
Манила церковь грозно, мрачно,
А в ней – и пенье, и тепло.

И кошка, источая скуку,
Мяукать стала средь могил...
И надпись ноет про разлуку
И о душе, лишённой сил...

Твердит плита, что всё растленно,
Напоминает о конце,
И даже мыслит вдохновенно
О послежизненном венце.

(09 октября 1971 года, Ростов-на-Дону)

Ты все минувшие года
Прогнать из памяти сумеешь...
Я буду весел и тогда,
Когда во мгле с другим сомлеешь.

Я отосплюсь, ну а затем
К тебе вернусь: его ты бросишь... —
Он станет снова глуп и нем,
А ты красивых слов попросишь.

И вскоре ты, поплакав в шаль,
Начнёшь меня просить для счастья,
Чтоб я изгнал твою печаль
И целовал твои запястья.

Возможно, буду целовать
И говорить тебе о страсти,
И ты начнёшь в мольбе гадать,
И выйдут карты красной масти.

(21 октября 1971 года, Ростов-на-Дону)

В снежинках новая статуя
Закатной бронзой блестит...
Оратор, приторно тоскуя,
Про смерть поэта говорит...

Народ понурый и недружный
В ладоши хлопает с лентой,
Но старец крестится натужно
И шепчет мне: «Поэт – святой...»

А я бессилён верить в святость
И с равнодушным взором лгу,
Но позабыть свою проклятость
Я даже в коме не смогу...

Она белела под иконой,
И я, терзаясь, не любил...
И я в молитве потаённой
Творца за смерть благодарил...

(18 декабря 1971 года, Ростов-на-Дону)

Пошли, Господь, мне упоенье
В мой скучный надоевший день,
Чтоб я познал успокоенье,
И не томила смерти тень.

Чтоб я не ведал откровений,
Ни утомления, ни слёз,
Чтоб страсть усталых вдохновений
В безумный час другим не нёс.

Чтоб я забыл, что прежде было,
Не сожалел бы, не любил,
И чтоб душа оледенила
Потоки слабостей и сил.

Молю тебя, чтоб Ты поверил,
Что я не верю, не люблю...
Я в этот миг не лицемерил...
Исправь, Господь, судьбу мою.

(15 февраля 1972 года, Ростов-на-Дону)

Ночных часов докучный бой,
Слепая жизнь, пустая повесть...
Мир, исковерканный мечтой,
Измучил вдруг любовь и совесть...

В немую боль уже вплелось
Любви и мира отрицанье,
Мечтанье явью обожглось,
И измельчало вдруг страданье...

И стало пошлостью искать
Средь женщин бред самозабвенья,
И возбуждается опять
К любви истлевшей озлобленье...

(16 февраля 1972 года, Ростов-на-Дону)

Мы на земле – больные гости,
И мучит души бред людской,
Но через призму пошлой злости
Мы видим в грёзах мир иной.

И он сияет негасимо
И властью дивною своей
Влечёт к себе неодолимо
В пути ослабленных людей.

И мы, прельщённые красою
Гуманной, человеческой лжи,
Брели мистической тропой
И созерцали миражи...

И наши души рвутся в бездну,
Но будто цепь – земная жизнь...
И все молитвы бесполезны,
Ведь Бог не терпит укоризн...

Вини себя... и грянет чудо,
И ты свою познаешь суть,
Ведь смесью нег для лизоблюда
Себя уже не обмануть...

(21 февраля 1972 года, Ростов-на-Дону)

Я грустной смерти видел тень,
И тень под утро исчезала...
И мельтешил бесплодный день,
И мысль о смерти замирала.

Но в сумрак, чтоб коверкать сон,
Рождала тень изнеможенье,
И, смертной тенью упоён,
Я посвятил ей вдохновенье...

Её постылой красотой
Терзал я душу, и свободу,
И становился неживой
И всё бездушней год от году.

Чужую смерть воспринимал,
Как зов далёкой дивной власти...
Я в том бреде не понимал:
Как можно мне мечтать о счастье?!

(04 марта 1972 года, Ростов-на-Дону)

Моё тщеславное моление
Господь отверг, и понял я,
Что жизнь людей – не озаренье,
Но злая скука бытия...

Что мудрым незачем родиться,
Ведь раньше смерти ты умрёшь,
И к бездне ты начнёшь стремиться,
Узнав людей и тьму, и ложь...

Узнав, что в мире совершенства
Нет даже в счастье и в любви,
И мы приемлем, как блаженство,
Лишь заблуждения свои.

И бред людской в нас поощряет
Все осквернения красоты,
И уж не мучит, не терзает,
А кормит гадкие мечты.

И знанье токами страданий
Корёжит душу, тело, жизнь,

И мы хотим достигнуть грани,
Где нет стыда и укоризн.

У грани смерти уж не надо
От омерзения стенать,
На смертной грани ждёт услада —
Друзей без муки предавать.

Там сгинут, наконец, мечтанья
О красоте души людской
И позабудется страданье
От омерзения собой...

(24 марта 1972 года, Ростов-на-Дону)

Ночью, павши на колени,
Я, Господь, Тебя молил,
И восторги искушений
Я с презрением смирил.

И забвенью неземное
Охватило вдруг меня,
И моё растленье злое
Унесла мольба моя.

Я с восторгом отрешался
В мир божественно-благой,
С умилением изливался
Я молитвою ночной.

Мир безбожный и ненастный
Копошился за окном,
А мистически-прекрасный
Догорал во мне самом!..

(15 апреля 1972 года, Ростов-на-Дону)

Когда усталой красотой
Придёт духовной муки бред,
И мы постигнем, что Судьбою
Нам не дарован райский свет...

Тогда, мой тайный, страстный гений,
Не требуй ты иной Судьбы,
Не ведай прежних вдохновений,

И будь покорен без мольбы.

Придёт ли новая разлука
С любимой, не познавшей нас,
И безысходной станет мука, —
Сдержи себя и в этот раз!

Не то низринет мир бесплодный —
В своей расчётливости злой —
Порыв мистически-свободный
И... озарённый красотой!..

И будет наше вдохновенье
Рождать в толпе ревнивый вздор,
И все нам явят озлобленье,
Которым пышет мелкий вор...

(12 января 1973 года, Ростов-на-Дону)

Часть вторая

Людей, как хмель, пьянят своекорыстье
И праздно-лицемерные слова...
А искренность прекрасна и мертва,
Как осенью слетающие листья...
И пусть порой в движении они
Своей красой томят и умиляют,
Но ничего они не совершают,
И цель, и смысл утративши свои...

(Август 1975 года, Украина, Хмельницкий)

Я лунь и юность пью из родников
И, не надеясь, отдаюсь надежде,
И в окруженьи ночи и цветов
Я глупо верю, что любим, как прежде...
И в этот миг ни в чём страданья нет,
И смерть одна над миром вожделеет
И воплощается в томящий лунный свет,
И в блеске звёзд целебным ядом зреет.

(Август 1975 года, Украина, Богдановцы)

В осенних днях моё воскресло счастье,
В круженьи листьев, в холоде, в дожде,
И в сумерках стихавшего ненастья,
И в истомлённо-радостном труде.
И было счастье не в уладах тела,
И не в беседах, и не в струях вин...
А в эти дни душа моя сумела
Мне повелеть: извечно будь один...

(Август 1975 года, Украина, Богдановцы)

И лунный свет, напитанный пылью
И вешней пряностью, упал на фортепьяно.
И вот мелодия уже дрожит со мной,
Свободна, будто я, от злости и обмана.

И белое вино, и блики от стакана
Сливались с музыкой, с дыханием, с душой,
И я в извивах пряных губ и стана
Наркотик обретаю волховской.

И чувственно ласкающая боль,
И блики белизны и содроганий,
А в темноте за окнами – юдоль...

И в памяти – клочки воспоминаний,
Былые ночи, восхищенья, речи...
И все любимые – одной её предтечи...

(23 февраля 1976 года, Армавир)

И снова ночью я пришёл к тебе,
И запах вин опять напоминает счастье,
А за окном – осеннее ненастье,
И кроме ночи ничего в судьбе.

И в мягкое тепло я погрузил себя,
И наркотически моё секут сознание
Бесстыдные слова и очертанья,
И душу взять мою алкает плоть твоя.

Хотела душу?.. пусть она уйдёт
В твой извращённый и блаженный рот...
Вдыхай её, как пьяно-терпкий дым,
Коль ты свою утратила с другим...

(29 марта 1976 года, Армавир)

Я помню дни, прожитые с тобой,
И потому мне постоянно больно.
А все вокруг злорадно-довольны,
Что я такой бессильный и смешной.

И в сумерках, твой пожелавши зной,
Смотрю я вновь устало и безвольно.
Я к излеченью путь искал окольный
С любовницей и грешной, и пустой.

Но все пороки, исцелив на миг,
Ещё ужасней сделали томленье,
И страх в сознание радостно проник.

Бесплодное, сплошное унижение —
Постылой ночью, не сдержавши крик,
Проговорить, что это – восхищенье...

(03 апреля 1976 года, Армавир)

Холёный призрак вдруг во тьме возник,
И пальцы нежно горло мне сдавили,
Я вырвался под свой короткий крик,
И радостны мои движенья были.

И я опять рассматривал тебя...
Пусть кровью губы напитались, всё же
Струился свет от золотистой кожи,
И я смирился тихо и любя...

И тело кровь без боли отдавало,
Как будто лёд припал к моим губам,
Ты даже капли в неге не роняла...

Я покорялся несравненным снам,
Впервые губы ты не отнимала,
И к бесконечным увела ночам...

(16 апреля 1976 года, Армавир)

Лежала бы на этом месте ты...
Тогда бы ночью тень ветвей на коже
Изъяном не казалась наготы,
И я с тобою вёл себя бы строже.

И влажность ветра б не казалась мне
Бессмысленной издёвкой над любовью,
И я б забыться не спешил во сне
И не прибег к пустому суесловью.

Я позабыл бы без постыдных слёз
Угар ночей, в нечестии прожитых,
Я б излечился средь твоих волос.

А что ж теперь?.. лишь запах вин разлитых,
И горькие слова, что спящей произнёс,
И очень хочется речей твоих сердитых...

(02 июня 1976 года, Армавир)

Я души постигаю иногда,
И в страсть от понимания сбегая...
Я для забвений без любви ласкаю
И всё ожесточаюсь от стыда...
Я перед нею, задыхаясь, смолк,
И мне она ответить не сумела,
И среди ночи тонкий злобный шёлк
Душил моё слабеющее тело...

(08 марта 1977 года, Армавир)

Я устаю от всякого труда,
И средь постели разомлела тихо
Весёлая и злая щеголиха
И, содрогаясь, стонет иногда.
Теперь она в слабеющем угаре
Мне утомлённо расточает лесть,
И нет на свете злее этой твари,
Ведь только зло не может надоесть.

(27 июля 1977 года, Армавир)

Измученный рассудком и любовью,
Бессилен я других не целовать,
Ведь искренность – личина суесловью,
А доброта коварнее, чем тать...
Я достигаю постепенно цели,
Да будет смерть духовная светла!..
Нет в мире истин, кроме истин зла,
Нет в мире боли, кроме боли в теле...

(Август 1977 года, Армавир)

Хоть ночь твоя свежа и несравненна,
Я злость свою не в силах превозмочь:
Я пред тобою блекну постепенно
И от сравнений убегаю прочь...
Мы бесконечность оценить не в силах
Ни в женщинах, ни в звёздах, ни в любви...

Мы бесконечно унижаем милых,
Чтоб недостатки покрывать свои...

(03 октября 1977 года, Темрюк)

Я исцеляюсь вновь извечной женской злостью,
Я тороплюсь сменить на чувственную гостью
Любовь мою к дождю, к политике, к словам...
Я присмотрелся вновь к ночным твоим глазам
И восхитился их волшебной пустотою...
Твоих зубов и плеч любуюсь белизною,
Ни слова на тебя я тратить не хочу,
И я с тобой всю ночь, кошунствуя, молчу...

(01 марта 1978 года, Армавир)

Этот сон недолгий и бесчинство ночи...
А приливы счастья были всё короче.
Есть иллюзий бездна о любви на свете,
И на их кончину никогда не сетуй.
Всё на свете может оказаться ложью,
И когда неведом путь по бездорожью,
То любая тропка может стать дорогой,
А любая девка – чистой недотрогой...

(02 марта 1978 года, Армавир)

Белы новобрачной наряды,
И бледен и строен жених,
И светлые тихие взгляды
Печально застыли у них.

Свершалось редчайшее чудо,
И пары не знали милей!..
Подарков пленительных груда
И белые лица гостей.

И мир новогодний искрился,
Усыпанный звёздным дождём,
И говор гостей прекратился,
Любимые были вдвоём.

И свежая кровь пламенела

На их беспощадных губах,
От неги любимая млела
В его коченевших руках.

Она на постель опустилась,
Он тихо смотрел на зарю...
Любимая кровью упиалась,
Дала ему выпить свою...

В столетие раз вурдалаки
Заветную свадьбу творят,
По воле их звёздные знаки
Тогда превращаются в яд.

Влюблённых творцы выбирают
Нежнее и краше других,
И свадьбу ночную играют,
И счастье вкушают на миг.

Влюблённые кровью упьются
И нежно и тихо умрут,
Средь новых друзей остаются
И новых возлюбленных ждут...

(03 ноября 1978 года, Армавир)

Я созерцал изменчивое чудо
Из бликов солнца, снега и весны...
Я слышал эхо водной быстрины,
И лес мерцал, как угольная груды...
Блеснуло солнце, и летучий снег
Облил предгорье синеватым светом...
В снегу трава, – зелёная, как летом, —
Изрезана колёсами телег...

(22 февраля 1979 года, Армавир)

И стала гнётом ткань, и сил уж нет вздохнуть,
Участок кожи несравненно светел,
И сигарету покидавший пепел,
Казалось нам, украсит Млечный Путь.
Была нежна холёная рука,
Но истина казалась мне нежнее:
У нас едины мысли и тоска... —
Сильней в любви не надо чародея!..

(21 ноября 1979 года, Армавир)

Эти руки горят изменами...
Подоконник, вино, хрусталь.
Предо мной, как со вскрытыми венами,
Алеет вечерняя даль...
Для меня ты не будешь светочем,
И не быть мне твоим теплом...
Вот и лесу пленяться незачем
Обогревшим его лучом...

(14 декабря 1979 года, Армавир)

Твоих кружев истомно чёрный цвет
Напоминает лицемерный траур...
И свежей плоти изошрённый мрамор
Любых инстинктов утоляет бред...
И без помады красные уста, —
Причудилось!.. – имеют запах крови...
Любые позы для тебя не внове,
Но мерзкой не бывает красота!..

(22 января 1980 года, Армавир)

В богатом трауре глаза и декольте
Вдруг намекнули о кануне страсти...
У мужа мёртвого во власти
Изнемогала тяга к наготу...
А ночью вдруг расширились зрачки,
И мы вкусили томный запах гнили...
О смерти мы не говорили:
Пороки обольстительней тоски!..

(07 февраля 1980 года, Армавир)

Во мраке дрожит от бессилия
Лицо измождённое нежностью...
Пороков моих изобилие,
Наркотик ночной белоснежности...
И если б не это растение, —

До зелья мы были б охотники...
Сейчас мы друг другу – забвение...
Любимые – те же наркотики!..

(17 февраля 1980 года, Армавир)

Я подошёл к тебе весёлый и изнеженный,
Я говорил о том, чего во век не будет...
Но сердце, – сад холодный и заснеженный, —
Как оттепель тебя не позабудет.
Прекрасней лжи на свете нет мелодии,
Но ты не веришь горькой истине...
Пришлось мне стать нежней и благороднее
И в благородство верить искренне...

(18 февраля 1980 года, Армавир)

Ветви покрыты мерцающим инеем,
Тёмное небо вечернее.
Нищий на паперти глянул с унынием,
Стали и мы суевернее.
Пение, золото, блики иконные,
Тёмные лики Спасителя...
Мы закрестились, греховно-холёные,
Чуя в Творце обличителя...

(03 марта 1980 года, Вильнюс)

Она окована и спутана
Телесной прелестью своею...
Когда любовь красою куплена, —
Излишне телу быть умнее...
А плоть, бесспорно, обольстительна,
Моей покорностью питаюсь...
Но власть тогда лишь продолжительна,
Когда мы царствуем, смиряясь...

(14 марта 1980 года, Армавир)

Ослепим же себя хрусталиями!..
Сменим благодать на оргии с винами!..

Мы не жили шальными страстями,
И с ночами не знали звериными!..
А без этого люди – растения,
Не познавшие вихря осеннего...
Только миги восторга растленного
Покаянье дарят и Спасение!..

(17 марта 1980 года, Армавир)

Я листаю японские танки,
Два девичьих в тумане лица...
И запястья и взор лесбиянки
В ожидании дрожи конца...
В эти миги и низость невинна!..
Обольстительно-тихое: «Всё...»
Ярко-алые вспыхнули вина
И вечерняя строчка Басё!..

(09 апреля 1980 года, Армавир)

В полнолуние – бездны цветение,
И в шипучем вине – лепестки...
И вгрызается в разум томление
Обольстительно бледной руки...
И дурманные чёрные волосы
Погружаются в капище рос,
И в мистическом клёкоте голоса
Возникают наркотики грёз...

(17 апреля 1980 года, Армавир)

Встань, окунись в эти яблони лунные,
Радостным светочем ставшие...
Пей лепестки эти бледные, юные,
В вина холодные павшие...
Ты посмотри, как бокалы хрустальные
Звёзды наполнили пенные...
Ночь ли опять, будто церковь венчальная?
Ты ли простила, мгновенная?..

(18 апреля 1980 года, Армавир)

А ночью в окно – аромат ветерка,
И бред исковеркал сознание,
И вновь кружева истязает рука,
И губы целуют дыхание.
Мне хочется плакать, но плакать невмочь...
Есть кара Господняя нежностью!..
И кружевом сделалась звёздная ночь
И грешной твоей белоснежностью.

(20 мая 1980 года, Армавир)

Я люблюсь собой, в зеркалах отражённая,
Ослепительно белая и обнажённая...
Позабуду свои колебания долгие,
Приближается час ослепительной оргии.
Перестану читать их речей благоглупости,
Не поверить уже этой старческой тупости...
Я люблюсь собой, дорогая, скандальная,
Ослепительно злая и втайне печальная..

(24 сентября 1980 года, Армавир)

Ты юная, белая, смерти подвластная,
На кладбище зимнем царишь...
Вот небо твоё золотисто-неясное
И леса вечернего тишь...
Бродил я в лесу, околдованный слабостью,
Встречаясь повсюду с тобой,
И ты мне сказала, что стала бы с радостью
Моею могильной плитой...

(17 декабря 1980 года, Армавир)

Твоя краса не очень-то весёлая,
Как линии вечерние церквей,
Как эта роща золотисто-голая,
И как прощанье преданных друзей.
Мы к озеру спускаемся по лестнице,
И пестрота окрестная – во мгле!..
И ты опять казалась мне предвестницей
Очередного горя на земле...

(30 января 1981 года, Армавир)

На свете единственной всё-таки нет,
Есть новых любимых предтечи!..
И всё ж я припомнил весенний рассвет
И наши последние речи.
Пожатье холёной и нервной руки
И первые дни экзальтаций,
И ветхую церковь у вешней реки,
И белую пенность акаций...

(23 февраля 1981 года, Армавир)

Часть третья

Вспоминались измены скандальные
Истерической дрожью с вином,
Но сегодня кольцо обручальное
Уж не мучит на пальце твоём.

Ты не знаешь, что мною изведано,
Я не знаю, что было с тобой...
Откровенность всегда заповедана
Обделённым счастливой судьбой.

Я тебя не измучу правдивостью,
Но правдивым я буду в одном:
Ты была мне единственной милостью
И моим неединственным злом.

И в квартире мы бледные, строгие
Лишь пригубили наше вино...
Мы дурманились в осень тревогою,
Ведь постигнуть судьбу не дано...

(06 апреля 1981 года, Армавир)

Мы по аллее медленно брели,
И под ногами шевелился гравий...
Телега укатала колеи,
Хоть здесь по тропкам разъезжать не вправе.

И тёмно-мутный, низкий небосвод
Не должен быть при нашей встрече грозным... —
Любой, кто любит, лишь лазури ждёт
С укором тучам – клячам водовозным.

И осень в купах захиревших ив
Могла бы нынче стать для нас красивей...
И, прежней чистоты не сохранив,
Ручей для нас не будет говорливей...

Здесь мир не тот, каким он был в мечтах
С дурманом страстной и сладчайшей скорби...
И вот любовь – не музыка в цветах,
А для иллюзий тяжкое надгробье.

Но если вдруг мы воскресим любовь,
Я не хочу особую, святую...
И пусть не обниму я среди цветов,
Но и не буду целовать другую...

(07 апреля 1981 года, Армавир)

В монастыре осеннем и ночном
Был запах леса и озёрной глади.
И Божий мир под лунным серебром
Пригрезился иконою в окладе...

Я трогал ветхий деревянный скит
И крест из камня над могилой старца...
И верил я, что славить Бог велит
Благое зло и схимника-страдальца...

А если б мир избавлен был от мук,
То в чём бы люди обретали счастье?..
И кто б свободу оценил бы вдруг,
Не зная горя от презренной власти?..

И нет добра, коль исчезает зло...
И в лунных бликах постигал я Боже!..
И в небесах мерцание цвело,
И жить хотелось до смертельной дрожи...

И кто б ценил, что он сейчас живёт,
Коль страха б смерти не познал доньше?..
И если бы не чёрный небосвод,
Я не любил бы озаренье сини...

(08 апреля 1981 года, Архыз)

В конце маскарада рассеянный шум,
И душная ночь – в озаренье!..
И пусть ещё нет сожалений и дум,
Но в парке уж нет восхищенья...

В бокалах доселе осталось вино,
И маски ещё не измяты,
Но ссорятся, вижу, она – в домино —
И мальчик в костюме пирата!..

И девушка тихо ко мне подошла
И с лёгкой запинкой спросила:
«А разве была бы я сумрачно зла,
Коль вовсе тебя б не любила?»

А шут маскарадный разбрызгал вино,
Смеясь над надеждой и сказкой...
И та – в домино – исказила лицо,
И мальчик бормочет с опаской...

Какое обилие жалобных сцен,
И сколько нелепых событий!..
И горько вернулись мы в будничный плен,
С весельем разорваны нити.

А нити Судьбы, словно кукол, всех нас
Опять направляют жестоко...
И сколько здесь много тоскующих глаз
Мелькает в толпе одиноко!..

Но зря с недовольством я думал о зле, —
Во зле зарождается счастье!..
Ведь только жестокость к одним на земле
Другим подарила участие!..

Пусть были глаза маскарадные злы,
А нынче покорны безмерно...
И сколь же они беспокойно-теплы
У этой лисички манерной!..

«Всё это проделки шекспировской Мэб» —
Сказал я, коснувшийся крепа...
Она улыбнулась: «Ты очень нелеп,
Но я совершенно нелепа!..»

(09 апреля 1981 года, Армавир)

И вновь песнопений старинных полон,
И в церкви томительны взгляды...
И вновь я неверием в Бога смущён...
И что ж на раденьях мне надо?..

Ведь мне не молиться, не плакать, не ждать!
Ведь Господа нету на небе...
И всё-таки вновь я хочу изнывать
В сладчайше томительной требе.

Опять я себе не могу объяснить,
Зачем пред иконой томленье?
Зачем я обязан не верить и жить,
И всё-таки жаждать моления?..

(10 апреля 1981 года, Армавир)

Уже рассвет был синевато-жёлт,
И на природу пало многоцветье,
И теннисисты уж пришли на корт,
И на лужайках появились дети.

А ты всё смотришь в тусклое трюмо
В своём вечернем золотистом платье,
И руки всё не бросили письмо,
Возможно, завершившее объятья.

Конец любви?.. наверное, конец...
Но нашу страсть не воскресаёт мщенье...
При неудачах только тот мудрец,
Кто сам себе выносит обвиненье.

И ты теперь во всём вини себя,
Всех оправданий боль твоя полезней...
Хирург, нисколько хворость не любя,
Быстрее любви избавит от болезни.

В любви к другим живёт любовь к себе...
Отринув себялюбие на время,
Ты больше не прибегнешь к ворожке
И не вернёшься к бесполезной теме...

(11 апреля 1981 года, Армавир)

Пальцы зовёт фортепьяно,
Клавиши белые, чёрные...
Будто глубокая рана
В мире – аккорды минорные.

Ночь переполнена липами,
Плеском фонтана, наядами...
Зала весенняя – скрипами
И беспокойными взглядами...

Зло и добро ведь – мелодия...

Чёрные, белые клавиши...
Будем ли мы благороднее,
Замыслы мщенья оставивши?..

Будут ли ссоры упорные
Новых улыбок предтечу?..
Клавиши белые, чёрные,
Сделайте нас человечнее!..

(13 апреля 1981 года, Армавир)

Обольстительны церкви вечерние
И молебное таинство слов...
И в раденьях я всё суевернее
От мелодий священных стихов.

И суровее лики иконные,
Похоронной лампы горят,
И хористы, мольбой упоённые,
О распятом Творце голоса.

И колдуют, дрожа, песнопения,
И мелодия стала душой,
И меня озарило хотение,
Чтоб распяты́е случилось со мной!..

(14 апреля 1981 года, Армавир)

Горькие мысли рассветные:
Кто мы друг другу теперь?..
Лживы слова оперетные,
Добрым личинам не верь...

Каждый пытается ласками
Вырвать утеху себе.
Глупыми дикими масками
Мы отвечаем судьбе.

Надо казаться тлетворною,
Если такие в цене.
Знал ты личину позорную
И ничего обо мне.

(21 апреля 1981 года, Армавир)

В тёмный смотрю водоём...
Камни, песок, валуны.
То, что казалось дождём —
Только о дождике сны.

Снится мне платье твоё,
Серая церковь вдали,
И под ногами жнивье,
И оскорбленья твои.

Счастья кусочек себе
Мы из возлюбленных рвём,
Вот и остался в судьбе
Этот глухой водоём.

(15 мая 1981 года, Армавир)

В старинном доме начинались танцы,
И зал был душен светом и гостями,
С улыбками стояли иностранцы,
И мне хотелось объясниться с Вами.

Я был опять неискренен и весел...
Супруг у Вас – подобие вельможи!..
Зелёный бархат феодальных кресел
Вы приласкали золотистой кожей.

Аристократы ели утончённо,
А век плебеев мнился веком прошлым...
Соседка мне твердила возмущённо:
«Мужик до смерти остаётся пошлым!..»

Все гомонили весело и вздорно,
И брал еврей аккорды на рояле...
А Вы смотрели на меня упорно
И, кажется, о чём-то вспоминали...

(19 мая 1981 года, Армавир)

Сегодня – шуточки вечерние,
Вино в весеннем парке пили...
Её нет краше и манернее,
И все о ней загомонили.

При этой хрупкой, нежной прелести
Она отнюдь не беззащитна.
В душе у ней хватает смелости,
Чтоб выбирать легко и скрытно.

Мужчина этот восхитителен:
Его солидность безупречна!..
И взор её стал зол и бдителен,
Но в остальном она беспечна...

Две сути в нас, две неизбежности,
И всем своё подайте счастье!..
Одна желает только нежности,
Другая алчет только власти...

На миг один личина сорвана,
И зло её преобразило...
Она нисколько не взволнована,
Она себя давно простила...

(20 мая 1981 года, Армавир)

Ветви усыпаны мёртвыми грёзами,
А не листьями золотыми...
Возле окон – хрусталь с мимозами,
И мы шепчем ночное имя.

Я молился своим искусам
И серебряной нагоде...
Я казался ночным Исусом,
Не распятым ещё на кресте.

Я миги любил позорные
И в полумраке вина...
Злости ожоги чёрные —
Отныне мои святыни!..

Хмель и соблазны мира
Чудятся нам причастьем!..
И мы в темноте квартиры
Смеёмся над счастьем...

Сны, обезумев, пели,
Бред возбудили слёзы,
И распускались в теле
Злые кусты мимозы.

Корни проникли в душу,
В тело точились яды...
И лопотанья глуше,
И удручённей взгляды...

Снились: моя влюблённость
И голубое море...
Больше ничья тлетворность
Не учинит мне горя.

Больше не буду плакать
Я над минувшим бредом...
Сердце – сплошная слякоть
С божески чистым следом...

(15 июля 1981 года, Армавир)

Прелесть вина из бокалов хрустальных
Вдруг засветилась в глазах...
Блики любви и колец обручальных
Ярче в осенних лучах...

Ближнее озеро синюю наполнено,
Церковь белела в дали...
Возле акации, бурюю сломленной,
Медленно лоси прошли...

Всё в очертаньях почти без движения,
Всё успокоилось вдруг...
Только глаза выдают волнение...
И на плетне петух.

В эти мгновенья вечернего счастья
Я не хочу размышлять...
Скоро ночные придут ненастья,
Дума грядёт, как тать...

Скоро начнётся во тьме стенанье
Леса и снов моих...
Длинных ресниц и ветвей дрожанье —
Злое предчувствие их...

(22 июля 1981 года, Армавир)

Мертвецы говорили без радости
О жизни своей земной...
В их строгой ночной обрядности
Мы пили вино с женой...

Почти без движенья облезлые ивы,
Блики ночной реки...
Дряблый студент расхвалил брюзгливо
Гниль гробовой доски.

Скатерти в саван одна обратила,
И мы отпевали её.
Были бутылки вместо кропила,
И о любви враньё...

Только в конце нам казался жутким
Этот ночной пикник.
Что нас манило к могильным шуткам?
Что исказило лик?..

Может, предчувствие смерти и тленья
Наших бесплодных душ?..
Мы заглянули опять в смятеньи
В злые глазницы луж...

(26 июля 1981 года, Армавир)

Листва летит с осенних ив,
И в бликах небо голубое,
И мне среди вечерних див
Ненастье вспомнилось ночное.

Сегодня туч доселе нет,
А ветер круче и жесточе...
Он не тебе напомнит бред
В конце последней бурной ночи.

И ветер будет голосить
В одном моём печальном теле.
Не будет месяц серебрить
Весёлый крашек постели.

А будут память и часы
В меня стучать неумолимо...

Мне эти ветер и красы,
Как поцелуи нелюбимой...

Я упрекнул тебя за смерть:
Должна взаимность быть и в смерти!..
Один я вынужден терпеть
Ночные эти круговерти...

(09 августа 1981 года, Армавир)

Бормотали старухи слепые,
И горело всё больше свечей.
И лежала средь церкви Мария
В золотой и узорной парче.

И касаются дряблые губы
В темноте пламенеющих рук.
И тоскливо младенец беззубый
Закричал при радении вдруг.

И смотрела больная старуха
В серебристо-ночное лицо,
И опять долетает до слуха:
«Обручальное сгинет кольцо...»

«Золотишку не место в могиле,
Драгоценность живых завлечёт...»
И старухи опять голосили,
И крестился церковный народ.

Говорят, что святой превеликий
Озаряющим чудом воскрес...
И иконные гордые лики
На меня посмотрели с небес.

И на миги я даже поверил,
Что случилось такое порой,
И мне в тело священник взор вперил
И спокойно кивнул головой.

Неужели и гибель лишь повод,
Чтоб упорно осмысливать всё?..
И Марию наполнивший холод
Проникает в сознание моё...

(13 октября 1981 года, Владикавказ)

Мерно бьют в темноте часы,
Пряный запах ночных духов
Переполнил твои красы
И томленье моих стихов.

За окном – всей природы дрожь
И осеннего ветра свист.
На столе – золотая брошь
И холёный в ней аметист.

Замечаю снобизм во всём,
Даже в шорохе певчих птиц...
И наследственный старый дом,
И манерность картин, вещей

Разделяют вернее нас,
Чем нечестие прежних дней...
Но наркотик зелёных глаз,
Озаряя, влечёт нежней...

Есть мистически злая суть,
Заставляет она, как тать,
Поневоле вдруг обмануть,
Поневоле теперь прощать.

Может, всё-таки счастье в том,
Что душа неподвластна нам?..
Я поверил, что древний дом
И любовь к дорогим вещам

Разделяют вернее нас,
Чем нечестие прежних дней...
Только истины – не указ
Этой сути ночной твоей...

(17 октября 1981 года, Владикавказ)

И мне приснился сон о смерти:
В загробном мире мы с тобою,
И как на маскараде черти,
И ходят ангелы гурьбою.

А в жизни ты была трусихой,
Тебя я помню лишь в печали...

А ты и здесь молилась тихо,
Чтоб нас с тобой не замечали.

«Уж нам не стать весёлой парой,
Не покидай, любимый, землю...
В юдоли быть без милой – кара,
Но путь ко мне я не приемлю...»

Я попрошу сегодня Бога
Лишить тебя воспоминаний...
И на земле красавиц много,
Не надо смерти и страданий.

Возможно, Бог окажет милость,
Но если очень это сложно,
Запомни, милый: я приснилась,
Иная встреча невозможна...»

(17 декабря 1981 года, Армавир)

Говорил о моей ты прелести:
Не найти, мол, её воздушнее...
Я в духовной своей онемелости
Очень многих пока послушнее.

Но злодейкой порву с тобой,
Очень быстро тебя забуду... —
Ведь, ослаблена добротой,
Беззащитной с другими буду.

Я мечтала бы стать нежнее,
Но я жить не хочу ослабленной...
Я себя укрепить сумею,
Я оставлю любовь ограбленной...

(29 декабря 1981 года, Армавир)

Ты вновь меня по имени зовёшь
И разрешаешь целовать запястье,
А за окном неумолимый дождь,
Неумолимый, будто счастье!

Я различаю силуэт
В конце нетопленного зала...
Здесь фортепьяно больше нет,

И жизнь мелодией не стала.

И только запахи дождя
Сегодня прежние, но счастье,
С неумолимостью уйдя,
Оставит карой сладострастье.

И я молил себя: «Уйди...
Скорей скажи, что нету веры...»
Но за окном, как встарь, дожди,
Сильней, чем истины, химеры.

И понимаю вопреки
Я целовал твоё запястье...
Нет беспощаднее тоски,
Когда в ней есть осколок счастья!..

(Весна 1982 года, Армавир)

Были липы могуче-старыми,
По аллее безмерно длинной
Шли мы долго куда-то парами,
Будто в чём-то были повинны.

Золотистой листвой орешника
Любовались мы виновато,
И твердили о том, что грешники...
И скорбели, что мы не святы.

Кто-то бледным блеснул запястьем
И твердил о церковном хоре...
То, что прежде казалось счастьем,
Было только личиной горя.

Запах церкви, цветов и трупа
И мучительная обрядность
Убедили нас в том, что глупо
Этой осенью верить в радость.

(Весна 1982 года, Армавир)

Я целовал томительные губы,
И страсть казалась золотисто-бледной,
И были мне, как в детстве, любы
О вечной верности легенды...

Но слёзы капали на праздничную скатерть,
И мы простились, не простивши...
Боялись мы любовь утратить,
И разошлись, не полюбивши...

(22 июля 1982 года, Армавир)

Приснились мне вновь золотистые призраки
Средь сонно-осенних вечерних надгробий...
И сны эти, кажется, первые признаки
Меня ожидающей сладостной скорби.
Чтоб сладостным было моё умирание,
И был спокоен во тьме и ненастье,
Хочу я скорее утратить желания,
Ведь только без них исчезает несчастье!..

(Осень 1982 года, Армавир)

Мёртвые тени пали
Под ноги ещё живущим...
На зимнем ночном вокзале
Казался я встречи ждущим...

Но поезд придёт не скоро,
И я никого не встречу...
Жадно ищу я ссоры,
Чтоб памяти стало легче.

Господи, как уныло...
Боже, какая скука!..
Хоть бы опять не взвыла
Эта слепая сука...

(02 декабря 1982 года, Армавир)

Смерть уничтожит все помыслы грешные,
Радость надежды моей...
Нас одурманили сумерки вешние,
Запах вечерних теней...
Призраки счастья – страданья источники,
Горе – начало любви...
В тёмных покоях мы – полуночники —
Души кусаем свои...

(18 декабря 1982 года, Армавир)

Знойное золото в мире заснеженном
Вновь озарило меня...
Под поцелуем язвительно-бережным
Жилка бесилась твоя...

Чувствуют губы пульсацию шеи,
Рта бесноватого дрожь...
Если я стану хоть каплю нежнее, —
Чудится, – сразу умрёшь...

Смерть я почую внезапной и явственной,
Стужа наполнит тебя...
Станешь ты проще, яснее и царственной,
Сделаюсь искренней я...

(08 августа 1983 года, Матвеев Курган)

Колода карт лежала на комодке,
Трефовый туз валялся под ногами...
Обрывки снов, соблазнов и мелодий
Не стали новыми стихами.

Повсюду видел сигаретный пепел,
Остатки вин в мерцающих бокалах...
Я притворился, будто не заметил
Её перчаток бледно-алых.

Я прочитал недавние газеты,
Я пил вино холодное и злое...
Здесь даже земляника и конфеты
Ночной пропитаны тоскою.

Тоску отныне вызывали вещи,
Которые доселе восхищали...
И улыбались нежно и зловеще
Ночные клавиши рояля...

(02 сентября 1983 года, Казахстан,
Кустанайская область, Михайловка)

Весёлые слова изнеженного тела,
Холёность рук её и запахи духов,
А за окном во тьме оледенелой —
Созвездия мерцаний и миров...
Измучена душа в своём телесном склепе...
Душа стремится ввысь, а телу нужен грех...
И страсть корёжится всё злее и нелепей,
И мнится бредом одичалый смех...

(19 декабря 1986 года, Армавир)

Тропинки осенние, лунные...
Её заверенья поспешные,
И в очи томительно-юные
Зеницы вперяются грешные.

Она возмечтала о верности
И детски святом наслажденьи.
Ей даже предчувствие ревности, —
Всего лишь, как лунные тени.

Прошли бы скорее мгновения,
Когда исповедаться хочется...
Скорее бы – в негу растления,
И больно, что этим окончится...

(01 марта 1989 года, Армавир)

Зрачки беспощадны и сужены,
Прерывисто-злое дыхание...
На даче ночной и завьюженной
Надсадная дрожь расставания.

То светел твой лик, то огрубленный,
И ты бесновато-речиста...
Твердишь, что ты мною разлюблена,
Сама изменив из корысти.

И карты повсюду разбросаны,
Гадала, наверно, без устали...
И в память о ветреной осени

Холёными пальцами хрустнула...

Мы вместе смеялись у омута,
Бродили у церкви разрушенной...
Затем была тихая комната,
И речи в ней странно приглушены.

И прелесть улыбки медлительной,
И грешная боль удовольствия...
В оплату за всё, хоть мучительно,
В последнем желаньи покорствую!..

Ты алчешь себе оправдания...
На что ж, я готов и на это...
Я помню другое дыхание,
Иные зрачки и ответы...

Считай же себя бескорыстной!..
Иначе... ведь стыдно... я знаю...
Я слушаю злую, речистую,
Вину на себя принимаю...

Но память храню потаённую,
Как искренность нас колыхнула,
И как нам в проёмы оконные
Тоскливо и весело дуло...

(06 июля 1989 года, Новочеркасск)

Вспомнилась церковь в осеннем ненастье,
В слякоть вечернюю люд разбредается...
Может, и вовсе не ведал я счастья,
Только оно вспоминается.

Счастьем казалось мне горе прошедшее,
Вера в Христа от отчаянья...
Счастьем припомнилось... вот сумасшествие!..
Даже твоё угасание...

Я пожелал, чтоб ты снова изведала
Хворость свою и усталость...
Хочется мне, чтоб ты мучилась, бредила,
Только б меня ты касалась!..

(16 июля 1989 года, Новочеркасск)

С ней вкусили мы рай одичания
В запредельности пышной и стылой,
И сладчайшие боли терзания, —
Извращённая, – млея, хвалила.

И приснились мне лики Спасителя
На иконах и древних, и тёмных, —
И она в монастырской обители
На молитвах томительно-скромных.

И казалась она мне способною
Быть весёлой Христовой невестою...
Пусть глаза расширяются злобные,
Но я видел в них искры чудесные!..

И мгновенья весенне-рассветные
Подарили её воскресение,
И молитвы по-детски заветные
В ней сгубили всю сладость извращения...

Но Спасенье мне только мерещилось
От желанья духовного взрыва...
А в рассветном окне заневестилась
Серебристо-весенняя слива...

(21 марта 1990 года, Армавир)

Ночные запахи всё резче на погосте,
И тучи, будто гнёт, и тёплый воздух сыр...
О, Господи, ответь, ведь Богу это просто:
Зачем я познавал твой извращённый мир?

О, Господи, прости, но смерть едва ль не слаще
И зренья, и ума, дарованных тобой,
И тьма небытия всё ласковей, маняще,
И стать мне хочется безмерной этой тьмой.

И наклонился я над пахнувшей рекою,
И небеса, как гнёт на плечи и погост...
О, Господи, ответь: душа ль моя со мною,
Иль мечется она над тучами среди звёзд?..

О, Господи, прости, но я теперь считаю:
Невежество и бред – твой самый ценный дар...

Хоть знать я не хочу, но ведаю, стеная, —
Познание для меня, как муки и угар...

И это всё теперь мне столь невыносимо,
Что я, Господь, молю: верни мне прежний бред!..
Авось тогда начну я думать о любимой
И верить, как дитя, что с ней мне горя нет...

(28 марта 1990 года, Москва, Коломенское)

Мы в тёмном зале восхитились вьюгой,
И мы разнежены прощением взаимным...
Мы были испуплением друг другу,
И вдруг прощённый грех приснился сладким, дивным...
И снова я хотел всю сладость прегрешенья... —
Раскаянья приятно бередили,
И подстрекательским казалось мне прощенье...
Ужели Бог простил, чтоб мы опять грешили?..

(19 апреля 1990 года, Москва, Донской монастырь)

Она отдалась, чтоб забыться,
И вспомнила счастье во сне,
И мысленно стала молиться
Распятому Богу и мне.

Святой мне молитвы не надо,
Я грешной хотел ворожбы,
Хотелось дворцового сада... —
Не этой скрипучей избы.

И всё непонятно до боли
И холода в теле моём...
За окнами – снежное поле
И утренний храм с вороньём.

И вот распостёртого тела
Коснулся негреющий луч,
Икона в углу посветлела,
И звон колокольный тягуч.

И дом наполняется синью,
И я пробужденья страшусь...
Вот так я не понял Россию
И с ней на погибель сольюсь...

(22 апреля 1990 года, Москва, Тушино)

Мне снилась схимница прекрасная и злая,
Она уходит в ночь, о призраках мечтая,
О тех, кто нашу кровь, целуя в губы, пьёт,
О тех, кто радости не ждёт...
И понял я теперь, Россия,
Что мне приснился символ твой...
Всегда была ты всех красивей,
И кровопийцей, и святой!..

(23 апреля 1990 года, Москва, Рогожское кладбище)

Прикоснусь губами к платью голубому,
И влекут нас звёзды, аромат и тишь...
А своё влечение к чуждому и злему
Не себе, а мне ты, чую, не простишь.

Будешь обвинять ты грозно и обильно,
Будто вдохновитель я твоих грехов,
Но весной меня ты не прощать бессильна,
Если манит лунность речки и лугов.

Посмотри: у церкви расцветают вишни,
Помечтай о свадьбе и любви для нас, —
Ведь с небес нас горько вразумит Всевышний,
Ведая всю глупость и надежд и фраз...

(16 августа 1990 года, Армавир)

В осенней мгле целуешь очень скромно
И целомудренно-изысканно...
А прежде ты была порочно-неуёмной,
Иль, может, ты опять неискренна?..
Но прошлое твоё я не хочу узнать,
Ведь правда о тебе моею станет жутью...
Я лучше научусь воспринимать
Личину сладкую – твоею новой сутью...

(10 сентября 1990 года, Армавир)

В лесу закатный снег сквозь окна всё темнее,
И взор спесивый в зеркала и в гостю,
И плоть хотела стать с ней круче и сильнее,
И напиталось тело злостью...
Но жалость к женщине из чувственности зрела,
А мысли в распре до телесной боли:
«Да кто же я такой?.. я – крепость злого тела,
Или душа, как снег, померкшая в юдоли?..»

(05 февраля 1991 года, Армавир)

И жухлая трава, и в ней весенний иней,
И я перчатку тискаю в горсти,
И возле приозерной лесопильни
Стремится чувство в мысль перерастить.

И я прошёл у озера по кромке
Последнего и слабенького льда,
И мне судьба казалась столь же ломкой
И столь же уходящей в никуда.

И всё ж весне я радуюсь невольно,
Иначе не способно естество... —
Когда ему до безразличья больно,
Другое возникает божество...

(17 декабря 1991 года, Армавир)

В лесу вечерний и студёный дождь,
И я ступаю по увялым листьям...
Я помню прошлое одним лишь серо-мглистым,
Не ведая, где истина, где ложь.
Любил ли я?.. иль только лицемерил,
И краснобайством обманул себя?..
Узнал ли правду?.. или глупо верил,
Что истина – лишь то, чем утешаюсь я?..

(19 февраля 1992 года, Армавир)

Припомнились грехи и изнуренье оргий,

А вешней зорьки хлад и в роще и с небес,
И мутят душу плотские восторги,
И сладость духа – мука для телес.
На переливах рос изодранные тени,
И в алых бликах струй и в ряске камыши,
И в самый тихий миг достигнул примиренья
Мрак тельных бесов с белизной души.

(09 марта 1992 года, Армавир)

Серебрится от инея осень,
И рассвет лихорадочно-жёлт,
И каёмка неровная сосен
Зеленеет за бликами вод.

И заветное страстное имя
Прорывается в память мою...
Измышленьями вздорными, злыми
От него оборону креплю.

Вспоминаю грехи и пороки,
Чтоб забыть мне навеки её...
Но ведь благовест грозный, далёкий
Будоражит сознание моё...

И уже вспоминается паперть,
Где во мраке мы стихли вдвоём,
И греховно мне хочется плакать
От бессилья забыть о святом...

(21 апреля 1992 года, Краснодар)

А ночью я святой поверил книге,
И лбом устало к зеркалу приник...
Я в бликах видел осиянный лик
И ржавые пудовые вериги.

А в комнате – удушьем немота,
Часы томили сиповатым звоном,
И ризой обречённого Христа
Искрился иней на стекле оконном...

В моём безмолвии крамольный был упрёк,
Но чудилось в угоднике прощенье...
Святой исчез, и проявился Бог

В её непостижимом возвращеньи.

Она в мехах вошла ко мне, скорбя,
И посмотрела с тихим изумленьем...
А мне хотелось уколоть себя,
Чтоб не казалась гостья сновиденьем...

(25 июня 1992 года, Карачаевск)

Часть четвёртая

Прости... я тебе не верю,
Но нежность хочу твою...
Я осенью запер двери
И вина ночные пью.

И разум размыт на части
Пахуче-хмельной струёй,
И стало больное счастье
Удушливо-влажной тьмой.

И пьяно-шалльные грёзы
В рассудке моём опять,
И рвутся наружу слёзы,
И я не могу рыдать.

И память о прежней страсти
Сжигает тоской нутро,
И кажется мукой счастье,
И чудится злом добро...

(28 сентября 1992 года, Армавир)

И злая память о страстях и смерти,
И обречённо-нежное письмо,
И отражённое меж крепями в трюме
Венков и гроба многоцветье.
И попик молодой с холёно-белой кожей,
И отпеванье, и собор, и стылость...
Ужели в снегопад была Господня милость
Для одоления моего безбожья?..

(12 февраля 1993 года, Армавир)

Ливни осенние, долгие, нудные,
Мысли и книги мои...
А за окном две собаки приبلудные
Разом завыли в ночи.
Знание истин есть кара господняя,

Правда о людях страшит...
Хочется быть мне глупей и свободнее,
Если мне Боже простит...

(25 апреля 1993 года, Армавир)

Мужские лица были хмурыми
В осенней смеси снега и дождя...
Бодрились женщины со спинами понурыми,
В седую темень уходя.
И снова водка в захламлённом баре,
И снова улиц человеческий сор...
Как будто нас украл бесовски хитрый вор
И нечисти нас продал на базаре...

(02 июня 1993 года, Армавир)

И душной ночью мы в церковный сад
Вошли гурьбой, смеясь не благочинно...
Там пили лёгкие мерцающие вина,
Там взоры грешников по благодати скорбят.
И прелесть храма обостряет боль
И чудится безгневной карой Божьей...
Бог мучил нас красой за грешную юдоль,
За истины, объявленные ложью...

(09 июня 1993 года, Армавир)

Жасминово-прохладный воздух,
Клочки тумана и роса рассвета...
И кажется, что вечным будет отдых
Здесь у окна, камина и букета.

У этой книги с золотым обрезом
Какой-то ветхий и весёлый запах...
И я упьюсь и мёдом, и шартрезом
Из рюмочек лилово-розоватых.

И страх замрёт в моей телесной бездне
И лишь на миги проскользит в сознание...
Я знаю: превращается в возмездье
Любое счастье при своём скончании.

А женский смех беспечней и свободней,
И как дурманы белизна и кожа...
И всё же грех – создание Господне,
И всё-таки пороки – не безбожье!..

Не выскажу я Господу укора
За то, что в нас забаламутят черти...
Здесь на ковре весёлые узоры
И всюду блики и любви, и смерти...

(07 октября 1993 года, Сочи)

Юркие, белые, хрупкие пальчики,
Вычурно смел макияж.
Вместо улыбок – смешки и оскальчики,
Вместо хотения – блажь...
Вспомнил утехи я вечером млечным,
Снежные хлопья в окно...
Было бы счастье безмерным и вечным, —
Счастьем не было б оно...

(19 октября 1994 года, Армавир)

И вновь осенний и старинный дом,
И скрип ночной, и в полумраке вина...
Мы сели с ней за дедовским столом,
И замер пёс лохматый у камина.

Я в этом доме нынче только гость,
И мой удел – спокойная учтивость...
И гложет псина мозговую кость
Без всякой благодарности за милость...

А после мы задумчиво прошлись
По тёмной и скрипучей галерее...
Я слышал писк весёлых юрких крыс,
И с каждым часом было холоднее.

Мы замерли у круглого окна,
За стёклами – нагие ветки дуба...
Я клеветал, что наша суть грешна,
И был оскал смешной и белозубый...

И под навет скрипел дырявый пол,
О прошлом я твердил, как о позоре...

Хулы я много вздорной намолол,
Боясь, что нежность превратится в горе...

(23 октября 1993 года, Армавир)

Я смотрел у окна на скрипучем паркете,
Как вечерняя мгла поглощала оттенки,
Пожирала осеннюю прелесть соцветий
И узоры ковров на тахте и на стенке.
А ведь краски живут и во мгле, потаённо, незримо,
Их хранит темнота, словно тайных и доблестных пленных...
Так великие мысли от разума телом таимы,
Коль не явит их блеск откровений священных...

(23 декабря 1993 года, Армавир)

Встреча под вечер в саду золотистом,
Запахи яблок, наливок и мёда...
С ней я, как встарь, был наивно-речистым,
Я уверял, что минули невзгоды...
Глупость надежд пусть не будет обузой!..
Боже, яви мне суровую милость:
Дай избавленья от вздорных иллюзий,
Дай, чтобы чаянье с явью смирилось...

(26 декабря 1993 года, Армавир)

А ночью в церкви – и весна, и бденье,
И всё земное мнится мне грехом,
И пламя свеч колеблют песнопенья,
И белый попик весел под хмельком.
А рядом люди на колени пали,
И ночь пасхальная за окнами светла...
И вдруг по храму тени замелькали,
Как души, отвергавшие тела...

(15 февраля 1994 года, Армавир)

Творю в ночной росе молитву о покое,
Акации вокруг церковные цветут...
И вдруг я расстаюсь с раздумьем и тоскою,

Но счастлив этим я лишь несколько минут.

И вновь мучительны и звёзды, и цветенье,
А тело грешное измучено душой...
Ужели мне искать покой в исчезновеньи?..
И будет ли душа в бесплотной жизни мной?

И кем мой станет дух, когда лишится тела?..
Ужель не вспомнит он, как вместе с плотью жил,
Как, слабая, она в соблазнах сладких млела,
И грозно он её за суетность хулил?..

Душа и плоть мои, друг друга искалеча,
В борении своём и создали меня...
И если быть иным без их противоречий, —
В бессмертие души не стану верить я.

Но если вера вдруг в бессмертье душ наполнит
Рассудок грешный мой, – не захочу я рай...
И пусть тогда Господь мои кощунства вспомнит,
А я взмолюсь Христу: мне вечной тьмой воздай!..

(03 мая 1994 года, Армавир)

И снова осень, и ручей, и дом,
Где, будто встарь, мне вечерами рады...
Иконные и токи, и оклады,
И солнце над часовней за окном...
И я бессилён больше не скорбеть,
Что всё для нас не кончилось на свете...
Ведь знал, прощаясь, я, что надо умереть
И не застрять в позорном лихолетье...

(16 августа 1994 года, Армавир)

В харчевне карачаевской – харчо,
И белое вино, и бастурма, и полдень...
А рядом девичьи и кудри, и плечо,
И свет её лица, как будто он – Господень...
А в небесах – прохлада вешних гор,
И белый голубь, как благословенье...
И мнится мне, что Боже длань простёр,
Нежнейшую, как в детстве умиление...

(17 августа 1994 года, Черкесск)

На круглом столе и наливки, и мёд,
В осенней беседке все запахи лета,
И вечер, как тайну, тепло бережёт
И токи янтарного липкого света...
Мне гостья внушала, что беды во мне,
И если себя изменить я сумею,
То горькие истины будут добрее,
И боль станет сладкою, будто во сне...

(18 августа 1994 года, Армавир)

Снова цветенье и запахи сада,
Бденье ночное у лампы на даче...
Больше соблазнов и грёз мне не надо,
Я не хочу ни страстей, ни удачи...
Робко склоняюсь над Ветхим Заветом,
Жёлтая лампа букет золотила...
Пыхнет ли Боже в душе моей светом,
Если мне душу судьба погасила?..

(24 января 1995 года, Армавир)

Священник смотрел на неё утомлённо,
И белые губы игуменьи сжаты,
И запах весенний, закатный и знойный
Вливался во хлад монастырской палаты.
И слёзно смуглянка в обитель просилась,
И красные губы шептали обеты...
И видеть мне это – Господняя милость
И чудо с явлением Божьего света...

(18 февраля 1995 года, Армавир)

Сколько много гомона, страстей и чепухи
С любовью и в саду, и в доме над заливом!..
Я весело творил у озера стихи,
И самому себе казался я счастливым...
Но осень и душа простились с теплом,
И листопадами разлуки замелькали...
Былые радости мне стали лютым злом,

Как только мной они недостижимы стали...

(13 апреля 1995 года, Армавир)

Пасхальная, мистическая ночь,
И в храме пенье: «Господи воскрес...»
И с паперти смотрю я в поднебесье,
И никого мне полюбить невмочь.
Я всё любви не обрету и мучусь,
И то мерзит душе, что хочет люто плоть...
И за какой же грех дана мне эта участь?..
И в чём мне каяться не дал понять Господь...

(17 мая 1995 года, Армавир)

В беседке ночью комары томили,
И речи гости безразлично-чинны,
И тело вдруг моё забредили
Наивные, забытые святыни.
И всё забытое упорно билось в память,
И разум робко ожидал мучений,
И, наконец, в нём принялись шаманить
Былые ночи, призраки и тени...

(04 августа 1995 года, Армавир)

На зорьке – запах леса и реки,
И плоть хмельна и зеленью, и летом,
Туман пронизан розоватым светом,
И блики рос, как бледные зрачки...
Душе и вере больше нет оков,
И благость Божья горячее и ближе,
И мнится мне, что множество миров,
Незримых прежде, скоро я увижу...

(23 августа 1995 года, Армавир)

В храме допели унылую требу,
Солнечно-снежная паперть.
Хлопья, мерцающая, канули с неба,
Глухо хотелось заплакать.

Память опять паучихою стала,
Мнилась дорога всё той же...
Только без той, чья любовь измеркала
Сыпью снежинок на коже...

(05 ноября 1995 года, Армавир)

Навозный запах, серо-влажный день,
И улица, заветная когда-то...
Акации уж нет, один замшелый пенёк,
Уже снесён забор дощатый.
Но суетня весенняя собак,
И воробьёв крикливая игривость!..
Я вижу в этом добрый Божий знак,
И я Господню предвкушаю милость...

(14 марта 1996 года, Армавир)

А ночью – буйный и со снегом дождь,
И я за книгой вспомнил глупо лето...
И мёд со мной, и винограда гроздь,
И блудный кот, уютно обогретый.
Ласкает мордой ноги он мои,
И, очень чёрный, выгибает спину...
К коту питаю дольку той любви,
Что в этом одиночестве повинна...

(07 мая 1996 года, Армавир)

В рассветном тумане – предчувствие снега
И с инеем жухлые листья...
И близко с надсадой скрипела телега,
И пёс забрехал голосисто.
И кучер хлестнул вороную кобылку,
И мелко она затрусилась...
Затем миновал я погост, лесопилку,
Которую ты не любила...

(25 июня 1996 года, Армавир)

Снежная дымка под вечер на западе...

Сыпались листья с осины...
В ветхой беседке у сумрачной заводи
Пили креплёные вина.
Молча прошлись до расхлябанной пристани,
К церкви, где слёзную пели...
И не понять: иль раскаялись искренне,
Или совсем захмелели?..

(08 июля 1996 года, Армавир)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.